

ОТРЫВКИ ИЗ РАБОТЫ С.В. КРАВКОВА «САМОНАБЛЮДЕНИЕ»

Приводятся отрывки из книги С.В. Кравкова «Самонаблюдение» (М.: Русский книжник, 1922. 176 с.). В своем исследовании С.В. Кравков излагает аргументацию в пользу необходимости интроспекции для психологической науки, ограничивает интроспекцию от рефлексии, анализирует психические процессы, обеспечивающие возможность интроспекции, обсуждает способы организации интроспективного исследования и другие теоретические и методические вопросы, возникающие в связи с интроспекцией.

Ключевые слова: самонаблюдение, интроспекция, психология, переживание, интенция, внимание, память.

От публикатора. Российская психология имеет в своем наследии научный труд, который может считаться компендиумом проблематики интроспекции как исследовательского метода психологической науки. Автор этого труда — *Сергей Васильевич Кравков* (1893—1951), советский психолог и психофизиолог, доктор биологических наук, член-корреспондент Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, заслуженный деятель науки РСФСР.

Книга «Самонаблюдение» издана в 1922 г. Автору на тот момент было 29 лет, но за его плечами уже был почти 10-летний опыт работы в Психологическом институте на Моховой. Следует отметить, что для самого С.В. Кравкова проработка проблем интроспекции не противоречила его интересу к психофизиологии ощущений: так, в плане экспериментальных работ на 1914—1915 гг. находим название исследования Кравкова, которое совпадало с направлением исследований всей его жизни: «О взаимодействии одновременных ощущений» (Психологический институт на Моховой (исторический очерк). М.: Изд-во ИЧП «ЕАВ», 1994. С. 8). Более того, его психофизиологические исследования были бы невозможны без элементов хорошо контролируемой интроспекции.

Текст «Самонаблюдения» впечатляет своей скрупулезностью, сложными, но в смысловом отношении точными и конкретными языковыми построениями, полнотой перебора вопросов, возникающих к интроспекции как на общеметодологическом, так и на методическом уровне.

В предисловии к книге С.В. Кравков говорит, что, несмотря на насущную для психологии необходимость изучать переживания, в психологической литературе неизвестна работа, стремящаяся «выяснить во всей возможной полноте современное положение вопроса об интроспекции как методе научного исследования». Учитывая, что в тот период российская психология не мыслила себя вне мировой психологической науки, ясно, что автор, ставя задачу восполнить данный пробел, имеет в виду пробел в

мировой науке. Ценность данному труду также придает то, что он написан «изнутри» интроспективной психологии специалистом, который владел данным методом и был сориентирован во всех дискуссиях вокруг него, проводимых и у нас, и за рубежом.

К сожалению, судьба данного произведения сложилась не лучшим образом. Во-первых, оно написано на закате интроспекционизма, и последующая психология (и советская, и мировая) относилась и относится к нему скорее как донаучному этапу психологии. Во-вторых, текст книги написан автором, обладающим навыками интроспективной работы и, следовательно, различными необходимыми для этого психологическими качествами — тренированной устойчивостью внимания и цепкой памятью. Это позволяло С.В. Кравкову передавать свои мысли в сложно построенных фразах, последовательностях фраз, для понимания которых нужно проявить такой же уровень внимания и памяти. Это затрудняет восприятие текста, однако не снижает его содержательной ценности.

В данной публикации мы ограничимся серией отрывков, дающих представление о содержании книги, круге затрагиваемых проблем и характере аргументации автора. Обращаем внимание читателя на неразграчиение С.В. Кравковым терминов «самонаблюдение» и «интроспекция».

Все приводимые далее цитаты воспроизводятся по изданию:
Кравков С.В. Самонаблюдение. М.: Русский книжник, 1922.

*М.И. Яновский, канд. психол. наук,
доцент кафедры психологии Донецкого национального университета*

Аргументация в пользу необходимости интроспекции для науки

«Содержание таких понятий, как сомнение, радость, представление, отвращение, припоминание и т.п., в их качестве необходимо дается через интроспекцию (т.е. самовосприятие или самонаблюдение). И притом лишь через интроспекцию, ибо поскольку я хочу познать, что такое гнев или хотение, я не могу достичь этого знания объективным наблюдением. Объективно я могу лишь воспринять выразительные движения, связанные с гневом и хотением. Но эти движения будут лишь движениями, но не гневом как таковым в его качественности и не хотением с присущей ему качественной характеристикой. Различение одних переживаний от других, усмотрение между ними сходств, связей и т.п. — в равной мере требует для своего осуществления приложения интроспективного метода самовосприятия. Как слепому нельзя уяснить, что такое красный цвет, так и объективными методами нельзя придти к познанию качественного мира переживаний» (С. 7—8).

«Фактически мы обладаем ведь интроспективным познанием» (С. 49).

«Совершенно очевидно далее, что в т.н. условных реакциях результат объективно данный (лишь и учитываемый объективистами) может зависеть и зависит от субъективных процессов сознания (ведь благодаря им и реакция-то называется «условной»). Так, ясно, что время моей реакции будет различно, старался ли я реагировать возможно скорей или напротив медленней, думал ли я о раздражении или совсем о постороннем, старался ли серьезно выполнить опыт или хотел сбить экспериментатора и т.д.»

«Эти факторы могут быть вскрыты лишь интроспективным анализом сознания субъекта» (С. 11).

«Но оставаясь чем-то не легализованным — {интроспективное показание} применяется не методически, без нужной осторожности и предусмотрительности» (С. 12).

«... говорить обо всем этом, как о различных классах явлений, едва ли бы было возможно, если бы мы в вышеприведенные обозначения (аффект, символ, отождествление) не вкладывали хотя бы *implicite* содержания, почерпнутого из нашего внутреннего, субъективного опыта» (С. 13).

«... лишь благодаря сведениям, почерпнутым из интроспективного анализа сознания испытуемых, объективные результаты становятся впервые *осмысленными и понятными*» (С. 17).

«... необходимость интроспективного разбора в том, какова качественная природа тех психических деятельностей, *количественное* взаимоотношение коих определяется» (С. 18).

Отграничение собственно интроспекции от похожих форм внутренней работы исследователя

«... под интроспекцией не следует понимать того, что относится собственно к рефлексии, открывающей законы и соотношения, но *лишь самый способ получения сырого материала*» (С. 21).

«Не будут ими {данными интроспекции}, очевидно, и сведения, являющиеся нашим умозаключением, выводом о собственном характере, лучшем способе заучивания наизусть и все другие такие же, являющиеся результатом нашей рефлексии, знания о себе, представляющие собой те “мнимые воспоминания” (*vermeintliche Reminiszen*), в коих и состоял “прославленный интроспективный метод философов”» (С. 22—23).

«Переживания в нашем сознании являются связанными с не-переживаниями или “смыслами”, каковые должны быть от них различаемы. Эти “смыслы” есть иначе “предметы” или “что” переживаний и положений сознания» (С. 27).

«Вот почему в то время, как переживания суть в моем сознании, — предметы, как вещи и смыслы, не находятся в моем сознании, составляя его реальную часть, но “*предстоят*” ему» (С. 29).

«Интроспектирующая психология имеет своим предметом переживания как таковые, берет их ради их самих, “an und für sich”, без интереса к их генетическим связям или к тому, что они вне себя, как таковых, обозначают, и для чего могут служить» (С. 30).

«... науки о “вещах” и “смыслах”, интендируемых через переживания, тем самым имеют дело не с фактически ограниченной реальностью непосредственно наличных переживаний, а с “вмышляемым”, так сказать, в них “предметом”» (С. 31).

«... мы обычно “установлены” на познании трансцендентных переживаниям предметов...» (С. 32).

«... мы обычно имеем дело с вещами — домами, кораблями, улицами и т.п. смыслами, как тем, что думаем, а не с эмоциями, волевыми импульсами и ощущениями в их “бессмысленности”» (С. 32).

Интроспекция как утверждение психологического реализма (исследовательская позиция, при которой психические феномены берутся как реальность)

«... мы становимся на точку зрения психологического реализма в том смысле, что признаем за переживаниями существование, независимое от того, сознаются они нами или же нет. И тем самым мы принимаем для психологии такое же отношение к объекту ее изучения, какое принимается во всех прочих дисциплинах, где предполагается, что познающий наблюдатель и познаваемый им предмет есть два раздельные фактора, сочетание коих и дает знание» (С. 38).

«Особенность нашего интроспективного восприятия в том, что интендируемым предметом интроспективного восприятия являются сами переживания как таковые, а не что-либо трансцендентное им. Интроспектирующий психолог мыслит как предмет своего восприятия как раз сами переживания, вне всякой зависимости от тех значений и смыслов, которые могут быть чрез них интендированы» (С. 39).

«К такой *имманентности интенции* сводится по существу, в конце концов, и та особая психологизирующая точка зрения, — интересующаяся переживаниями как таковыми, ради них самих» (С. 40).

«... интроспекция есть общий у всех эмпирических наук *метод наблюдения*, осуществляемый лишь с особой точки зрения и по отношению к особому предмету. Поэтому как к всякому наблюдению, так и к интроспективному познанию, может быть приложено одно общее основное нормативное условие для достижения наилучших результатов. Этим условием будет *внимательное восприятие и прослеживание явлений и отмечание их тем или иным образом*. Чем концентрированной будет наше внимание на наличном объекте

наблюдения и чем неразрывней будет оно сопровождать этот объект со всеми происходящими в нем изменениями — тем полней и достоверней будет наше знание» (С. 42).

Психические процессы, обеспечивающие возможность интроспекции. Психологическая «механика» интроспекции. Технологические вопросы интроспекции

«... в интроспективно описательной психологии вопрос об осуществлении апперцепирования наличных переживаний оказывается, мы сказали бы, центральным в ее методологии» (С. 42).

«В каком же виде интроспективное апперцепирование переживаний оказывается возможным, раз оно возможно?» (С. 50).

«Первый путь, делающий возможным и для психологии апперцепирование наличного объекта, — это возможность распределения нашего внимания» (С. 50).

«Когда большая по длительности и интенсивности доля внимания (идущего на определенный период времени) уделяется все же главному в субъективных переживаниях, образуемому направлению внимания на предметы и смыслы, то переживания в момент обращения интенции на них, несмотря на отвлечение ее в тот момент от предметов, все же могут еще продолжать быть наличными, как бы по инерции, каковая и поддерживается быстрыми “перескоками” внимания вновь на предметы» (С. 57—58).

«... образы непосредственной памяти представляют собой как бы по инерции длящееся самое впечатление, продолжающее еще в известном смысле, как “последовательный образ”, быть наличным, и, для своего восприятия нами, не требует с нашей стороны особого активного старания “вспомнить”...» (С. 59).

«... успешность посредственного, вторичного вспоминания какого-либо объекта есть прямая функция предшествовавшего апперцепирования его» (С. 60).

«... иными словами, в случаях, когда переживания в их наличности не опознавались, мы ничего не знаем о них и в последующий период» (С. 60).

«... когда ранее не опознанные переживания вновь переживаются на основе репродуцированных опознанных элементов, мы легко можем впасть в активное так называемое “повторное представление” (nachprobierende Vorstellen), как реконструирование прошлого переживания через вызывание в сознании порождающих его опорных пунктов, с намерением на этот раз возможно полней опознать его» (С. 62).

«Быстрая изменяемость переживаний — их текучесть и почти совершенная неповторяемость их, при естественном течении психической жизни, создают для познания их психологом мало

благоприятную обстановку. Тем настоятельнее здесь *необходимость нашего произвольного вмешательства* в обычные условия данности нам объекта. Это вмешательство может иметь двоякое влияние. Во-первых, касаться, так сказать, объективной стороны даваемости материала: и именно мы можем делать случаи подлежащих наблюдению явлений более частыми, приобретая возможность так или иначе по произволу *вызывать* нужное явление, и следовательно повторять его. Во-вторых, с субъективной стороны, наше вмешательство может сказаться в соответствующем наилучшему восприниманию предмета» (С. 67—68).

«... осуществляется *произвольное его возобновление*, что в свою очередь возможно, однако, лишь через применение эксперимента. Поэтому утверждать возможность психологического наблюдения во внеэкспериментальной обстановке едва ли возможно ...» (С. 71).

«И именно, наиболее характерные и интересные явления психического мира — чувства, влечения, переживания мышления, словом те, которые мы назвали субъективными элементами сознания, не могут быть *наблюдаемы* в вышеприведенном, подлинном смысле этого слова, даже и при пользовании нами всеми возможностями, даваемыми экспериментальной методикой» (С. 74).

«Однако *невозможность прямого наблюдения* большей части нашего психического мира, даже и при нашем экспериментальном вмешательстве в условиях даваемости его нам, отнюдь не обозначает еще бессилия экспериментального метода по отношению к интроспективному познанию его вообще» (С. 75).

«... *возможность бессознательного* или неосознаваемого нами осуществления интроспективного опознания» (С. 82).

«У лиц с достаточной практикой в интроспектировании, осознание своего намерения и себя, как выполняющего это намерение, — совершенно не имеет места во время осуществления самого наблюдения.

И. Мюллер полагает, что при известном навыке подобное психологическое апперцепирование, как схватывание и отмечание переживаний нашим вниманием, может перестать быть сознательным и обратиться как бы в неосознаваемое “звучание” (Anklingen) определенных представлений, какое их наличие тем не менее способствует тому, что соответствующим переживаниям уделяется больше сознания. Последнее же способствует лучшему их запечатлению и, соответственно, большей легкости их воспроизведения для позднейшего ретроспективного анализа» (С. 82).

Способы организации интроспективного исследования

«Что же касается субъективных состояний сознания, то экспериментальный метод может здесь способствовать лишь: а) большей

планомерности и полноте отдельных быстрых апперцепирований наличных переживаний, б) большей полноте даваемого непосредственной памятью.

Главными путями к достижению этих целей следует признать:

1. *повторение* переживаний, способствующее лучшему всплыванию их в непосредственной памяти,

2. *бессознательность* (несознаваемость) деятельности опознавания переживаний, возможная, как следствие тренировки испытуемых в самонаблюдении,

3. *метод прерыва*, как средство опознавания переживаний наличными в их естественном течении,

4. *парциальный метод*, способствующий большей детальности и ясности интроспективного анализа,

5. *замедление* переживаний» (С. 97).

Условия, обеспечивающие повышение объективности интроспективных данных

«Возможность иметь интроспективные показания от многих лиц, в сочетании с экспериментальным повторением и варьированием подлежащего наблюдению переживания, впервые делает метод интроспекции методом уже не нацело субъективным. В нем нет ограниченности сферой лишь нашего единичного, личного, индивидуального психического мира, как это стараются показать часто представители объективной психологии» (С. 98).

«Содержание, а с ним и достоверность таких описаний обуславливаются, помимо свойств самого субъекта, как не трудно видеть, тремя главными моментами. Прежде всего, удачностью опознания своих переживаний самим испытуемым. Во-вторых, условиями высказывания об опознанном и в-третьих, нашей обработкою собранных высказываний» (С. 98).

«Точное интроспективное описание, достичь коего стремится самонаблюдение в качестве метода психологического исследования, и имеет в виду раскрытие в возможной детальной полноте картины *переживаний*, бывших при тех или иных условиях в сознании испытуемого. Для достижения этой цели мы создаем, с одной стороны, ряд возможно благоприятных условий опознания испытуемым его переживаний» (С. 147).

«Все намеченные выше не интроспективные аналитические и не психологические виды высказывания с особенной ясностью, на наш взгляд, указывают также, что нельзя просто самонаблюдать, без всякой предвзятости, без всяких предпосылок и точек зрения, но у наблюдателя необходимо должна быть *предвзятая установка*, определяющая, что из всех фактов сознания и как должно быть им

познаваемо. Лишь созданием такой определенной установки у испытуемых в психологических экспериментах мы получим надежное средство для избежания всех тех ошибок, которые возникают и могут возникнуть от смешения данных интроспективного описания с вульгарными пониманиями обыденной жизни и логическими рефлексиями» (С. 159).

«Благодаря возможности имманентного и объективного контроля самонаблюдений испытуемых мы получаем несомненную возможность *отличать* в собранном нами материале *более* достоверное от *менее* достоверного и, в еще большей мере, отбрасывать *вовсе ложное*.

Мы имеем основания полагать, что в будущем интроспекция станет еще в большей мере *научным* методом изучения» (С. 175).

Поступила в редакцию
11.02.15

EXCERPTS FROM THE BOOK S.V. KRAVKOV “SELF-OBSERVATION”

Abstract. Excerpts from the book S.V. Kravkov “Self-observation” (Moscow: Russkiy knizhnik, 1922. 176 p.). In his study, S.V. Kravkov presents arguments in favor of the need for introspection, psychology, introspection separates from reflection, analyzes the mental processes that provide the opportunity to introspection introspective discusses ways of organizing research and other theoretical methodological issues arising in connection with introspection.

Key words: self-observation, introspection, psychology, experience, intention, attention and memory.